

BULLETIN

DE

LA CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES

DE

St.-Pétersbourg.

PAR SON SECRÉTAIRE PERPETUEL.

TOME CINQUIÈME.

(Avec 8 planches et 2 suppléments).

St.-Petersbourg
chez Eggers et Comp.

Leipzig
chez Leopold Voss.

(Prix du volume 2 roubles d'arg. pour la Russie, 2 écus de Pr. pour l'étranger.)

1848.

IMPRIMERIE DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

TABLE DES MATIÈRES.

(Les chiffres indiquent les numéros du journal.)

I. NOTES.

- MURALT. Beschreibung zweier aus dem achten und neunten Jahrhunderte herrührenden Handschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek. 1.
- SCHIEFNER. Ueber Indra's Donnerkeil. 2.
- KÖPFEN. Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der Slawisch - Russischen Schrift vom XI bis zum XV Jahrhundert. 3.
- BANSAROW. Ueber zwei mittel-asiatische Alphabete. Mit einer Nachschrift von O. Böhlingk. 4.
- DORN. Ueber die auf Nadir Schah's Befehl verfasste persische Uebersetzung der vier Evangelien. 5. 6.
- SCHIEFNER. Ueber das Thier Tarvas im finnischen Epos. 7.
- FRÄHN. Der orientalische Münzfund von Essemeggi in Ehestland. Ein Nachtrag zu der topographischen Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischen Gelde in Russland. 8.
- BANSAROW. Erklärung einer Mongolischen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouvernement auf den Gütern des Herrn Barons A. von Stieglitz ausgegrabenen Silberplatte. 9.
- KÖPFEN. Zur Kenntniss Finnland's in ethnographischer Beziehung. 11.
- BÖHTLINGK. Nachtrag zu der in No. 9 dieses *Bulletins* gegebenen Erklärung einer Mongolischen Inschrift auf einer Silberplatte. 12.
- MURALT. Notice sur une traduction espagnole de l'Évangile supposé de S. Barnabé à la Bibliothèque Impériale et publique. 14.
- DORN. Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde. 15.
- BÖHTLINGK. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Uebersetzung von Dr. J. Th. Zenker. 19. 20. 21. 22. 23.
- GRÄFE. Einige Inschriften und kritische Verbesserungen. 24.

II. MUSÉES.

- БАНСАРОВЪ. Каталогъ книгамъ и рукописямъ на Манджурскомъ языкѣ, находящимся въ Азиатскомъ Музеѣ Императорской Академіи наукъ. 5. 6.
- DORN. Ueber die letzten dem asiatischen Museum zugekommenen muhammedanischen Handschriften. 7.
- Ueber einige der neuesten Münzerwerbungen des asiatischen Museums. 9.
- SCHIEFNER. Nachträge zu den von O. Böhlingk und F. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 10.

III. RAPPORTS.

- BÖHTLINGK. Rapport sur un mémoire intitulé: Eine Tibetische Lebensbeschreibung Čákjamuni's, des Begründers des Buddhathums, im Auszuge mitgetheilt von Anton Schiefner. 5. 6.
- SCHIEFNER. Ueber das Werk: «Rgya tch'er rol pa ou Développement des jeux, traduit sur la version tibétaine et revu sur l'original sanscrit par Ph. Éd. Foucaux. Première partie. — Texte Tibétain. Paris 1847.» 10.

IV. VOYAGES.

- BROSSET. Rapport à la Conférence de l'Académie Impériale des Sciences, Section d'histoire et de philologie, daté de Tiflis, le 17 octobre 1847. 1.
- Rapport à Son Excellence le Prince-Lieutenant du Caucase, daté de Tiflis, le 30 nov. 1847. 1. 2.
- CASTRÉN. Auszug aus einem Briefe. 4.
- Extraits de deux lettres de M. Castrén à M. Sjögren. 7.

BROSSET. Rapport à l'Académie Impériale des Sciences,
Section d'histoire et de philologie, daté de Tiflis,
le 9 mars 1848. 8.

CASTRÉN. Zwei Briefe von Dr. A. Castrén an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 12. 13. 14.

BROSSET. Rapport à S. E. M. le Prince Vorontzov, sur les chartes géorgiennes. 15. 16. 17. 18.

CASTRÉN. Trois lettres de M. Castrén. 17.

— Rapport de M. Castrén. 19. 20.

V.

BULLETIN DES SÉANCES.

Séance du 4 (16) février 1848. 2.

— — 18 février (1 mars) 1848. 3.

— — 3 (15) et 17 (29) mars 1848. 4.

— — 31 mars (12 avril) 1848. 5. 6.

— — 5 (17) mai 1848. 8.

— — 19 (31) mai 1848. 9.

— — 2 (14) juin 1848. 10.

— — 16 (28) juin 1848. 12.

— — 30 juin (12 juillet) 1848. 13.

— — 11 (23) août 1848. 16.

— — 25 août (6 septembre) 1848. 17.

Séance du 15 (27) septembre 1848. 19. 20.

— — 29 septembre (11 octobre) 1848. 21.

— — 13 (25) octobre 1848. 23.

— — 27 octobre (8 novembre) 1848. 24.

VI.

CHRONIQUE DU PERSONNEL.

9.

VII.

ANNONCES BIBLIOGRAPHIQUES.

11 12. 17. 24.

VIII.

RECTIFICATION.

9.

IX.

S U P P L É M E N T S.

I. Compte rendu des travaux de l'Académie pour 1847, par
M. Fuss.

II. Rapport sur le dix-septième concours Démidov, par le
même.

ОБЩИЙ ОТЧЕТЪ

0

СЕМНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

и читанный

въ публичномъ Собраніи сей Академіи

15 Мая 1848 года.

Число содскательныхъ сочиненій, поступившихъ отъ авторовъ въ Демидовскій Конкурсъ 1847го года, въ срокъ закрытія Конкурса прострвалось до 32хъ номеровъ. Къ нимъ причислено рукописное сочиненіе оставшееся отъ прошлогдняго Конкурса за неполученіемъ въ срокъ рецензій, по причинѣ болѣзни рецензента, а въ послѣдствіи еще три книги, порученныя выпнанію Академіи отъ дѣйствительныхъ Членовъ ея, безъ вѣдома авторовъ. Съ другой стороны, при самомъ закрытіи Конкурса, признано необходимымъ исключить изъ онаго одно сочиненіе за давностию изданія (1844 и 1845 годовъ) и два, за незначительностию объема и маловажности предмета; такъ что за тѣмъ весь Конкурсъ оказался состоящимъ изъ тридцати трехъ номеровъ или заглавій. Относительно предметовъ, сіи сочиненія могутъ быть распределены по слѣдующимъ разрядамъ наукъ:

По наукамъ математическимъ	} по пяти, и того 10.
По Географіи, Этнографіи и Путешествіямъ	
По Филологіи и Лексикографіи	
По естественнымъ наукамъ	} по три, и того 12.
По политическимъ наукамъ	
По Исторіи	
По Правовѣднію	
По Физикѣ	
По Химіи	
	} по два, и того 4.

По военнымъ наукамъ	} по одному, и того 3.	
По Медициѣ		
По Русской Словесности		
	Всего	33.

Изъ нихъ:

на Русскомъ языкѣ 27, на иностранныхъ 4, словарей 2	(33)
печатныхъ книгъ 21, неоконченныхъ печатаніемъ 5, рукописныхъ 7	(33)

Двадцать три номера разсмотрѣны и разобраны въ самой Академіи 20ю Академиками; остальные десять посторонними учеными по выбору Академіи.

На сей разъ, со стороны рецензентовъ удостоено полной преміи одно только сочиненіе, второстепенныхъ же премій, не менѣе 18ти. Сверхъ того одобрѣно, но за неокончаніемъ не удостоено премій 4 номера, почетнаго отзыва 2, и 8 только сочиненій признаны незаслуживающими награды.

Такъ какъ проценты на хранящійся въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ Демидовскій капиталъ, не наросли еще до количества новой второстепенной преміи, то въ распоряженіи Академіи и на сей разъ имѣется не болѣе 20,000 рублей ассигн. на преміи, не считая 5,000 рублей ассигн. назначенныхъ учредителемъ въ пособіе авторамъ увѣнчанныхъ рукописей, для изданія въ свѣтъ тру-

довъ ихъ ; а какъ представленное къ увѣнчанію полною преміею сочиненіе, Академіею не удостоено сей *первостепенной* награды, то оставалось изъ девятнадцати уже сочиненій избрать *восемь* достойнѣйшихъ, для увѣнчанія ихъ половинными или поощрительными преміями.

Предлагаемъ на судъ просвѣщенной отечественной публики результатъ добросовѣстнаго приговора нашего, и усердно желаемъ чтобы взысканные нами, большею частью молодые авторы видѣли въ немъ желаніе наше одобрять послѣдныя труды ихъ и поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ на поприщѣ наукъ, и чтобы съ другой стороны, приговоръ сей показался не слишкомъ строгимъ тѣмъ изъ сопоставителей, на долю коихъ премія не вышло, за непмѣніемъ лишь на то способствъ.

Изчислимъ напередъ, для облегченія обзора нынѣшняго Конкурса, заглавія восьми сочиненій удостоенныхъ второстепенныхъ премій:

Нервандера, Профессора при Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ: *Observations faites à l'Observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors*; обширная рукопись, которой не большая часть только напечатана. Рецензія Академика *Купфера*.

Ивантія Коссовича, Греческо-Русскій Словарь. Москва 1847 г. двѣ части. Рецензія Академика *Грефе*.

Сомова, Экстраординарнаго Профессора при С. Петербургскомъ Университетѣ: Аналитическая теорія волнообразнаго движенія эфпра. Спб. 1847 г. Рецензія Академика *Остроградскаго*.

Павла Савельева, Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи. Спб. 1847 г. Рецензія Академиковъ *Устрялова* и *Дорна*.

Базинера, *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842*; рукопись. Рецензія Академиковъ *Мейера* и *Гельмерсена*.

Биллярскаго, Судьбы церковнаго языка: I. О среднеболгарскомъ вокализмѣ, по патриаршему списку лѣтописи *Манасси*; особый отпискъ изъ *Mémoires des Savants étrangers*; II. О Кирилловской части Реймскаго Евангелія; рукопись. Рецензія Академика *Востокова*.

Давидова, Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость; Москва 1848 г. (Представлено было въ рукописи). Рецензія Академиковъ *Остроградскаго* и *Буняковского*.

Горлова, нынѣ Профессора при С.-Петербургскомъ Университетѣ, Обзорніе Экономической Статистики Россіи: рукопись. Рецензія Академика *Келлена*.

Сверхъ того удостоены почетнаго отзыва абсолютнымъ большинствомъ голосовъ слѣдующія четыре сочиненія. *Монаха Инкина*, Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Спб. 1848 г. 4 части. Рецензія Профессора *Ковалевскаго*.

Богдановича, Профессора Военной Академіи, Записки Стратегіи, Спб. 1847 г. 2 части. Рецензія Генералъ-Лейтенанта Барона *Зедделера*.

Чистякова, Курсъ Теоріи Словесности. Спб. 1847 г. 2 части. Рецензія Академика *Давыдова*.

Линовскаго, Исслѣдованія началъ уголовного права, положенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. Одесса 1847 г. Рецензія Профессора *Неволина*.

Нѣкоторыя другія сочиненія, равно достойныя сего отличія, суть или рукописи, могущія по напечатаніи возобновить притязаніе свое на премію въ одинъ изъ слѣдующихъ Конкурсовъ, или такія творенія, которыя были представлены не самими сочинителями, а безъ вѣдома ихъ, Академиками. Въ томъ п другомъ случаѣ, по легкомысленнымъ причинамъ, принято за правило, о такихъ сочиненіяхъ публично не упоминать. Авторамъ одобренныхъ, по не увѣнчанныхъ рукописей сообщаются копіи съ рецензій.

Изложимъ теперь вкратцѣ на основаніи рецензій, содержаніе и достоинства увѣнчанныхъ сочиненій:

I.

OBSERVATIONS FAITES À L'OBSERVATOIRE MAGNÉTIQUE ET MÉTÉOROLOGIQUE DE HELSINGFORS, par le Professeur *Nervander*.

Трудъ Профессора *Нервандера*, по предмету своему, столь тѣсно связанъ со всѣмъ, что сдѣлано въ наше время для развитія ученія о магнетизмѣ, что мы считаемъ необходимымъ, предварительно сказать нѣсколько словъ о тѣхъ приобрѣтеніяхъ, которыя наука съ недавняго времени сдѣлала въ этой области.

Чтобы хорошо понять важность нашей эпохи въ исторіи развитія наукъ наблюдательныхъ, нужно сперва оглянуться на начало неизмѣрнаго поприща, имъ пройденнаго. Едва эти науки вышли изъ того таинственнаго мрака, которымъ онѣ были облечены въ самомъ дѣтствѣ, мы видимъ ихъ обращенными къ изученію величавъ явленій природы. Въ то время еще не знали, что нельзя постигнуть ея тайнъ, не упростивъ напередъ сложныхъ ея дѣйствій, не размотавъ, такъ сказать, одну за другою запутанія ея нити повтореніемъ въ маломъ видѣ тѣхъ явленій, которыхъ величіе и сложность насъ пзумляютъ, — тогда еще не знали опытовъ. Только со времени введенія этой новой могучей методы наблюденія, т. е. не прежде какъ по возрожденіи наукъ въ Европѣ, Физика принимаетъ вѣрный полетъ; но за то съ тѣхъ поръ все изученіе ея сосредоточивается въ физическихъ кабинетахъ, лишь нзрѣдка выходя изъ нихъ; и наука, ищущивъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ лабораторій, всѣ возможные комбинаціи, находитъ себя безсильною объяснить и самое малѣйшее явленіе природы, потому что взоръ ея не довольно объемлющъ для обозрѣнія цѣлаго.

Изучение Физики не так необходимо, как изучение Химии или естественной Истории. Сии послѣднія пускаютъ корни свои во всѣ науки, коихъ предметъ есть природа. Химія внушила Физикѣ идею экспериментаций. Естественная Исторія, въ путешествія, предпріятыя для ея споспѣшествованія, доставила ей случай собирать на огромныхъ пространствахъ факты непосредственнаго наблюденія. Такимъ образомъ ученые путешествія правели умъ человѣческій къ непосредственному наблюденію естественныхъ явленій, между которыми земной магнетизмъ всегда занималъ отличное мѣсто. Настала новая эра для наукъ физическихъ: наблюденію предстояло завоевать новую область, — область останавливающуюся только у непроницаемыхъ рубежей земныхъ полюсовъ и знойныхъ степеней экватора.

Но явленія природы представляются уму нашему въ двухъ весьма различныхъ видахъ: изъ которыхъ одинъ постояненъ, а другой измѣнчивъ: съ одной стороны мы находимъ неизбѣжные законы природы, формы постоянныя, въ которыя она облекается, а съ другой безпрестанныя измѣненія, движеніе непрерывное; и изученіе этихъ двухъ родовъ явленій требуетъ также различныхъ способовъ. Такъ напр. достаточно одного усилія, чтобы опредѣлить географическую широту какого либо мѣста, чтобы описать растеніе, потому что эти вещи не измѣняются: наблюденія же напротивъ того, пужны для опредѣленія магнетическихъ началъ, на какой бы то ни было точкѣ земной поверхности, нпкогда, собственно, не оканчиваются, потому что эти начала безпрестанно измѣняются, и если и бываютъ періоды, послѣ которыхъ возвращаются тѣ же самыя явленія; то періоды эти очень продолжительны, объемля собою нерѣдко цѣлыя поколѣнія. И такъ не во время путешествія можно основательно изучить явленія этого рода, и даже не въ физическихъ кабинетахъ, гдѣ всякаго рода работы, смѣняясь однѣ съ другими, только бы мѣшали другъ другу, если бы потребовалось прослѣдить нѣкоторыя изъ нихъ въ продолженіе очень долгаго времени. На этотъ конецъ необходимы заведенія, специально назначенныя къ безостановочному, непрерывному продолженію изысканій, пужны наблюдатели, которые были бы всегда на мѣстѣ, готовые на всякій призывъ. Тутъ нельзя какъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ безъ всякаго неудобства прерывать наблюденія по цѣлымъ днямъ и мѣсяцамъ: каждый часъ, каждая минута приносить съ собою измѣненія въ явленіяхъ по видному столь причудливыхъ по самой природѣ своей, измѣненіе, которое пужно непременно внести въ лѣтопись наблюденій, чтобы оно не пропало на всегда для науки.

Изъ вышесказаннаго понятно, какъ величайшій путешественникъ нашего вѣка, могъ въ то же время быть и величайшимъ споспѣшникомъ науки о магнетизмѣ; но видно также, что нельзя было остановиться на этихъ,

случайно собранныхъ матеріалахъ, на этихъ данныхъ, снабженныхъ наблюденіями, дѣланными въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ или нѣсколькихъ дней, и что новая эра, въ которую вступила наука о магнетизмѣ, должна была именно начаться съ той поры, когда ежедневныя наблюденія стали производиться въ продолженіе неопредѣленнаго числа лѣтъ въ Обсерваторіяхъ, нарочно для этого устроенныхъ, т. е. со времени основанія первыхъ магнетическихъ обсерваторій, гдѣ наблюдаютъ каждый день и въ продолженіе всего дня.

Едва были учреждены въ Россіи первыя магнетическія Обсерваторіи, какъ во всей Европѣ пробудилось соревнованіе, дѣлающее честь нашему вѣку. Англійское правительство одно завело 6 Обсерваторій. Къ этому числу Остъ-Индская компанія еще присовокупила нѣсколько: при этомъ случаѣ число часовъ для наблюденія было значительно умножено; въ первыхъ Русскихъ Обсерваторіяхъ наблюдали только днемъ, каждые два часа; въ Обсерваторіяхъ, вновь учрежденныхъ, продолжаютъ наблюденія цѣлыя сутки и притомъ ежечасно.

Это безъ сомнѣнія огромный трудъ — отиѣчать 24 раза въ день въ продолженіе цѣлыхъ годовъ, съ шепетливою точностью, склоненіе магнитной стрѣлки, силу магнетизма, высоту барометра, температуру воздуха, давленіе содержащихся въ немъ водяныхъ паровъ и наконецъ состояніе неба и количество дождя и снѣга, низнаваго на землю. Но Г. Нервандеръ, сочиненіемъ, вынѣ намъ представленнымъ доказалъ, что можно идти еще далѣе. Немедленно по устроеніи въ Гельсннгфорсѣ магнетической Обсерваторіи и по установленіи въ ней инструментовъ, т. е. съ Юля 1844 года, тамъ начать былъ рядъ наблюденій, которые были дѣлаемы каждые 10 минутъ денно и ночью и досвѣхъ поръ еще такъ продолжаютъ. Можно себѣ представить, сколько нужно было настойчивости, сколько самоотверженія, чтобы управлять такимъ огромнымъ трудомъ и быть его душею; надобно знать, что наблюдатели, употребляемые для этого неослабнаго труда не имѣютъ другаго дѣла кромѣ одного наблюденія и отиѣчанія своихъ наблюденій, не имѣя ни малѣйшаго участія ни въ управленіи, ни въ исчисленіи наблюденій, ни въ редакціи ихъ результатовъ. И такъ излишне будетъ упирать на то, что Г. Нервандеръ сдѣлалъ довольно для спискаванія себѣ одобренія ученыхъ; сдѣлавано бы, можетъ быть, напротивъ доказать, не слишкомъ ли онъ много сдѣлалъ; потому, что если наблюденія, въ шестеро болѣе многочисленныя противъ наблюденій въ другихъ магнетическихъ Обсерваторіяхъ, не обѣщаютъ наукѣ какихъ либо особенно важныхъ результатовъ, то къ чему, скажутъ, служилъ этотъ излишній трудъ и эти чрезвычайныя издержки?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ еще болѣе выкажетъ въ надлежащемъ свѣтѣ, заслугу Г. Нервандера и права его на награду, потому что онъ не только прежними своими те-

оретическими изсѣдованіями подалъ поводъ къ подъятію столь огромнаго труда, но и результатами двухъ годовъ своихъ наблюдений уже и подтвердилъ справедливость прежнихъ своихъ догадокъ. Здѣсь не мѣсто войти во всѣ подробности этихъ совѣтливыхъ разысканій, довольно сказать, что до сихъ поръ ежедневный ходъ стрѣлки былъ извѣстенъ только весьма несовершенно; что дознано было, правда, существованіе максимума и минимума склоненія, возвращающихся каждый день въ довольно постоянные часы, но что всѣ прочія движенія стрѣлки были переиначены подъ наименованіемъ неправильныхъ движеній. Г. Нервандеръ показалъ намъ въ разсужденіи, помѣщенномъ въ нашемъ бюллетенѣ, что кромѣ максимума и минимума склоненія, бывающихъ около 8 часовъ утра и 1 часа по полудни, имѣются еще въ кривой линіи, изображающей дневной ходъ стрѣлки, другіе важные пункты, и что для открытія этихъ пунктовъ и установленія ихъ періода необходимо наблюдать чаще, нежели каждый часъ, промежутки слишкомъ большой, чтобы обнаружить всѣ изгибы сказанной кривой линіи. Убѣжденіе въ этомъ побудило Г-на Нервандера, по учрежденіи магнетической Обсерваторіи въ Гельсінгфорсѣ и назначеніи его Директоромъ ея, увеличить число наблюдений и производить ихъ каждыя 10 минутъ, и эта побудительная причина, конечно, покажется достаточною для всего свѣта: мы можемъ только удивляться самоотверженію, внушавшему такое рѣшеніе, и постоянству, съ какииъ оно было выполнено.

Г. Нервандеръ прислалъ намъ подлинныя свои наблюдения и богатые изъ оныхъ выводы, обѣщающіе озарить новымъ свѣтомъ теорію сей загадочной силы природы; онъ началъ было ихъ печатать, но не могъ продолжать, по недостатку средствъ.

Къ общему сожалѣнію вповивникъ сего важнаго труда не за долго предъ симъ скончался, не успѣвъ извлечь изъ собраннаго имъ матеріала всей той пользы, которую ученый свѣтъ вправѣ былъ ожидать именно отъ гениальнаго и пытливаго ума его. Потому-то Академія и не считала себя вправѣ увѣчать сей трудъ полною преміею, которой онъ конечно содѣлался бы достойнымъ, еслибъ самому Автору довелось привести его къ концу. Съ другой стороны, Академія не могла не воспользоваться даруемыми ей Демидовскимъ учрежденіемъ способами для изданія въ свѣтъ сего драгоценнаго для науки изсѣдія одного изъ отличнѣйшихъ отечественныхъ физиковъ. Кромѣ второстепенной преміи, Академія назначила до 5000 рублей асс., на изданіе Гельсінгфорскихъ наблюдений, поручивъ ближайшій надъ опыиъ надзоръ Академикъ Купферу.

II.

Испатія Коссовича Греческо-Русскій Словарь. Москва 1847. 8.

Авторъ, ревностный филологъ, уже прежде съ вы-

годной стороны извѣстный сочиненіемъ своимъ: Греческій глаголь, Москва 1846 и рѣчию: О важности Греческаго языка, тамъ же 1846, изданіемъ этого Словаря начатаго на счетъ Московскаго Университета, оказалъ большую услугу обучающемуся Россійскому юношеству, успѣшно удовлетворивъ давно ощущаемой имъ потребности.

Само собою разумѣется, что на такомъ поприщѣ, на которомъ у насъ еще столь мало сдѣлано попытокъ, всего, сколько извѣстно, имѣется только два Греческо-Русскіе Словаря — одинъ Зосимы и другой этимологической заслуженнаго Крылова — еще нельзя было достигнуть высшей степени совершенства, тѣмъ болѣе, что даже изъ значительнаго числа вышедшихъ въ Германіи въ послѣдніе полвѣка, хотя и безпрестанно совершенствуемыхъ Греческихъ и Латинскихъ Словарей, и самые лучшіе еще не соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ филологовъ. Не говоримъ здѣсь ни объ абсолютномъ совершенствѣ, которое едва ли когда либо удастся достигнуть, ни о хронологическомъ развитіи значенія каждаго отдѣльнаго слова, столь важнымъ въ лексикологіи, а только о нѣкоторыхъ другихъ, легче достигаемыхъ и не менѣе существенныхъ качествахъ ближе объясняемыхъ Г. Грефе въ ученой его рецензії.

1) Большая часть лексикографовъ ищутъ какого-то шегольства въ изобиліи приводимыхъ ими значеній словъ, и выставляя ихъ въ большемъ или меньшемъ логическомъ порядкѣ, подъ особенными номерами и литерами, вовсе забываютъ, что каждое слово первоначально имѣетъ только одно значеніе, и что это значеніе, относясь въ собственномъ или присказательномъ смыслѣ къ вѣншей или внутренней природѣ, только въ отдѣльныхъ случаяхъ переносится къ сроднымъ понятіямъ, отъ частнаго къ общему или обратно, и лишь взрѣдка, смотря по мѣсту и времени, далѣе отдѣляется отъ своего первообраза. Извлечь изъ этимологіи это одно коренное значеніе, гдѣ это можно сдѣлать, съ нѣкоторою ясностью, подтвердить его употребленіемъ писателей, объясненіями грамматиковъ и накопецъ изъ сродныхъ нарѣчій, — должно быть совершенно достаточно, потому что если только это значеніе вѣрно, то съ нѣкоторымъ размысленіемъ всегда можно будетъ найти надлежащее его примѣненіе къ данному случаю. А какииъ образомъ можно было бы тамъ и сямъ парафразировать это слово или иначе выразиться, это уже не идетъ къ дѣлу.

2) Имѣетъ съ кореннымъ значеніемъ каждаго слова должно стараться, въ той мѣрѣ какъ это дозволяетъ свойство новѣйшаго языка, вѣрно передать также его форму, а именно если оно есть сложное. Отъ пренебреженія этихъ двухъ условій происходитъ то, что ученникъ, при множествѣ накопленныхъ въ Лексиконѣ значеній, гдѣ рѣдко выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ главное, не зная за какое именно взяться, выбераетъ на попадъ то,

которое кажется ему кое какъ идушимъ къ смыслу и только что не переводить хорошее дурнымъ, а дурное хорошимъ.

3) Въ Греческомъ Словарѣ вездѣ слѣдовало бы присовокуплять этимологически соответствующее Латинское слово, а въ Латинскомъ Греческое, по той причинѣ, что оба языка слѣдуетъ изучать вмѣстѣ, если хотятъ ожидать какой либо пользы, и глубочайшее знакомство съ аналогіею каждаго отдѣльнаго языка всегда при этомъ выигриваетъ. Авторъ лежащаго Словаря очень часто приводитъ слѣненія съ Латинскимъ языкомъ, но не вездѣ, гдѣ бы можно было это сдѣлать, за что мы должны порицать его, потому что онъ постигъ пользу такого слѣненія.

4) Не требуя здѣсь дальнѣйшихъ лингвистическихъ сравненій и выводовъ, которые только что запутали бы учащагося, мы желали бы, чтобы на томъ новѣйшемъ языкѣ, на который переводится Словарь, всегда поставилось впередъ и особеннымъ шрифтомъ этимологически сродное слово. Такое наглядно-выраженное соответствіе природнаго языка съ древнимъ, сдѣлало бы послѣдній учащемуся занимательнѣе и пріятнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ предохранило бы его отъ мысли, что его языкъ есть ичѣто совершенно отдѣльное, чего нельзя сравнить ни съ какимъ другимъ языкомъ. Жаль, что ученый и вовсе не чуждый лингвистики, авторъ не подумалъ объ отличеніи такихъ словъ, хотя онъ и представлялся самымъ естественнымъ образомъ, да и часто были невпауемы, какъ единственно соответствующія.

5) Полезно было бы включить въ Словарь собраніе такихъ пченъ собственныхъ, которыя служили бы для этимологич. пополненіемъ формъ, недостающихъ въ языкѣ общезнтія. Авторъ не помѣстилъ въ Словарѣ своихъ на-какихъ собственныхъ пченъ Греческихъ.

6) Желательно, чтобы ко всякому алфавитному Словарю древнихъ языковъ приложенъ былъ возможно короткій перечень корней съ подробнымъ исчисленіемъ происходящихъ отъ нихъ производныхъ, но само собою разумѣется, безъ значенія; что, не занявъ много мѣста, было бы очень полезно для учащихся. Авторъ по большей части — но не вездѣ — при производныхъ и сложныхъ словахъ приводитъ также и цѣльные корни. Часто можно бы было здѣсь ограничиваться одними коренными слогами.

Таковы, въ общихъ лишь очеркахъ, качества требующія отъ Словаря классическихъ языковъ. Что Авторъ, какъ показываетъ Г. Грефе, удовлетворилъ многимъ изъ сихъ требованій, это конечно служить ему въ похвалу, а его сочиненію справедливою рекомендаціей. Если отъ него ускользнуло требованіе 4-е, а 5-е и 6-е не были въ его планѣ, то его нельзя винить за это, и укоръ этотъ постигъ бы еще весьма многихъ другихъ лексикографовъ. Очевидно, что онъ пользовался лучшимъ и новѣйшимъ

иѣмецкимъ, и, вѣроятно также французскимъ пособіямъ по своей части, жаль только, что не вездѣ указываетъ на своихъ источниковъ.

Описокъ и опечатокъ въ Словарѣ Г-на Косовича сравнительно встрѣчается не много; но что безъ нихъ не могло обойтись вовсе, въ книгѣ изъ двухъ томовъ безъ малаго въ 2000 страницъ, это очень естественно и вездѣ было бы не иначе. Число пропусковъ также незначительно.

Академія уваживъ ходатайство ученаго своего Эллиниста съ удовольствіемъ присудила Г-ну Косовичу второстепенную премію.

III.

Аналитическая теорія волнообразнаго движенія эофра.

Ч. I. О распространеніи свѣтовыхъ волнъ въ средахъ, имѣющихъ двойнаго преломленія. Соч. *Иосифа Сомова*. Спб. 1847. 4.

Авторъ начинаетъ свое разсужденіе съ краткаго историческаго обзоренія прежнихъ изслѣдованій относительно движенія эофра; но онъ не упоминаетъ ни о трудахъ Лапласа, — о которомъ однако же умолчать нельзя, когда рѣчь идетъ вообще о дѣйствіяхъ, постепенно исчезающихъ на извѣстныхъ разстояніяхъ, — ни о важномъ замѣчаніи Пуассона о томъ, что суммы, встрѣчаемыя въ исчисленіи молекулярныхъ силъ, не могутъ быть обращаемы въ интегралы, замѣчаніе, которое нѣкоторымъ образомъ есть исходная точка всѣхъ новѣйшихъ успѣховъ молекулярной механики. Исчисливъ труды своихъ предшественниковъ, Г. Сомовъ указываетъ на то, что ему собственно довелось прибавить къ Теоріи волнообразнаго движенія эофра. «Коши, говоритъ онъ, при составленіи уравненій безконечно малыхъ движеній одной средины, которая онъ относитъ не только къ свободному эофру, но также къ эофру, соединенному съ вѣсистою матеріею, предполагаетъ, что силы, происходящія отъ дѣйствія на одну частіцу окружающую ее эофрныхъ частіцъ, уравновѣшиваются независимо отъ дѣйствія вѣсистой матеріи на эофръ, такъ что силы, происходящія отъ дѣйствія вѣсистой частіцъ на каждую эофрную, также уравновѣшиваются отдѣльно и остаются въ равновѣсіи во время весьма малыхъ колебаній эофрныхъ частіцъ; потому онъ не входитъ явнымъ образомъ ни въ уравненія равновѣсія, ни въ уравненія движенія эофра, и не видно, какъ упругость эофра около каждой точки можетъ зависѣть отъ фигуры и расположенія вѣсистой частіцъ. Это побудило меня замѣнить уравненія Коши другими, въ которыя входятъ члены, зависящіе отъ дѣйствія вѣсистой матеріи на эофръ. Интегралы этихъ уравненій и слѣдствія, изъ нихъ истекающія, относящіяся къ распространенію свѣтовыхъ волнъ, сходны съ выводами Коши и будутъ совершенно съ ними тождественны, если мы пренебрежемъ членами, зависящими отъ дѣйствія вѣсистой матеріи.»

Г. Сомовъ излагаетъ вслѣдъ за сѣмъ тѣ предположенія, изъ коихъ онъ выводитъ дифференціальныя уравненія относительно движенія эопера. Изъ нихъ нѣкоторыя изъясни: другія, которыя казались бы необходимыми, пропущены.

Далѣе, Г. Сомовъ выводитъ дифференціальныя уравненія движенія эопера, принимая въ соображеніе дѣйствіе вѣсомой матеріи, но не обращая вниманія на перемѣщеніе ея частицъ. Это значитъ принимать вѣсомую матерію находящуюся въ равновѣсіи независимо отъ эопера, и предполагать, будто движеніе сей жидкости можетъ не сообщаться вѣсомой матеріи, чего по строгости допустить нельзя. Въ заключеніе Г. Рецензентъ замѣчаетъ, что не взирая на сіи немногіе недостатки, трудъ Г-на Сомова ясно доказываетъ, что сей геометръ совѣстливѣмъ изученіемъ своего предмета усвоилъ себѣ все то, что знаменитые предшественники его открыли относительно уравненій въ частныхъ лпейныхъ разностяхъ, отъ которыхъ зависитъ теорія свѣта и другія важныя задачи математической Физики. Очевидно, что онъ избралъ себѣ образцомъ и руководителемъ Кошп; однако же уравненія, которыя онъ предположилъ себѣ интегрировать, разнятся отъ уравненій знаменитаго французскаго Геометра тѣмъ, что онѣ содержатъ въ себѣ и члены, зависающіе отъ дѣйствія вѣсомой матеріи на эопиръ. И такъ трудъ Г-на Сомова не есть простая компилляція, а свидѣтельствуеетъ напротивъ того о явномъ дарованіи, которое тѣмъ болѣе достойно справедливой оцѣнки и одобренія со стороны Академіи, что изученіе высшаго математическаго анализа едва ли можетъ найти у насъ иное поощреніе. Полозпная премія, во второй уже разъ присуждаемая Г-ну Сомову, конечно подстрекнетъ его къ дальнѣйшимъ успіямъ и успѣхамъ на избранномъ имъ поприщѣ.

IV.

МУХАММЕДАНСКАЯ НУМИЗМАТИКА въ отношеніи къ Русской Исторіи. Сочиненіе *Павла Сагелъева*. Спб. 1847. 8.

Исторія Россіи съ самаго учрежденія Императорской Академіи Наукъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія сдѣлалась предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, и можно сказать по всей справедливости, что какъ природныя Русскіе, такъ и ученые другияхъ націй посвятили ей вниманіе, увѣнчавшее самымъ счастливымъ успѣхомъ. Естественно, что для средней и повѣйшей исторіи нашего, какъ и вообще для большей части новѣйшихъ государствъ имѣются общія дѣйствія и притомъ полнѣйшіе источники, пежелы для древнѣйшей и древней. Но именно тѣ источники, которые занимаютъ происхожденіемъ народа или государства, должны имѣть особенную занимательность какъ для ученаго наблюдателя, такъ и для самаго на-

рода. И дѣйствительно не было недостатка въ такихъ мужахъ, которые, подвизавшись на трудныя разысканія о темныхъ начаткахъ Русской Исторіи, старались озарить ихъ свѣтлымъ исторической критикѣ. Но многое скрывалось еще въ восточныхъ бытописателяхъ. Важнѣйшіе изъ нихъ въ этомъ отношеніи еще до нашего времени оставались неизвѣстными или недоступными, а отчасти и по нынѣ остаются таковыми. Долго недоставало даже ученаго глубокаго знатока восточной науки вообще, который могъ бы доказать, что и изъ этихъ источниковъ можно получить весьма значительныя поясненія о древней Русской Исторіи, — поясненія, которыхъ отчасти, тщетно стали бы искать индѣ. Эта-то заслуга безспорно принадлежитъ нашему *Френу*, и хотя пріобрѣлъ его поощрилъ и другияхъ ориенталистовъ къ разработкѣ тѣхъ же самыхъ рудниковъ, но за всѣмъ тѣмъ за нимъ остается слава, что онъ умѣлъ извлечь изъ нихъ наиболѣе сокровищъ, и въ многоразличныхъ нумизматическихъ и другияхъ своихъ сочиненіяхъ указалъ на то, что и другіе Азіатскіе памятники, а именно монеты могутъ служить немаловажными источниками къ поясненію древней и средней Исторіи, Этнографіи и Географіи Россіи.

Уже съ давняго времени находили въ почвѣ Русской земли и другияхъ сосѣдственныхъ прибалтійскихъ странъ восточныя и именно мухаммеданскія монеты. Прежде подобныя находки не обращали на себя здѣсь особаго вниманія; найденныя монеты, по большей части неизслѣдованныя, были отдаваемы въ переплавку или употреблены для другияхъ какихъ либо цѣлей: самыя мѣста находженія оставались неуваженными. Но когда убѣдились въ томъ, что встрѣчу этихъ монетъ можно почесть признакомъ процвѣтавшей нѣкогда между Среднею Азіею и Россіею, а равно съ сосѣдственными странами значительной торговли, то и этому обстоятельству стали посвящать большее вниманіе, и одна изъ статей *Френа* *) представила намъ столько же полное, сколько и поучительное обозрѣніе такихъ сдѣланныхъ въ Россіи находокъ, съ помощью которыхъ мы въ состояніи съ величайшею достоверностію прослѣдить направленіе торговыхъ путей въ древней Руси.

Оставалось только особенно обработать эти указанія и намѣкъ въ приложеніи ихъ къ Русской Исторіи и притомъ на Русскомъ языкѣ, потому что одно послѣднее обстоятельство могло придать такой обработкѣ настоящую цѣну, содѣйствовать ея распроstrаненію во всей Россіи и сдѣлать ее общепользною. Для успѣшнаго выполнения этой задачи нуженъ былъ знатокъ не только Мухаммеданскихъ языковъ и науки, а именно Мухаммеданской Нумизматики, но и Русской Исторіи и Географіи.

*) См. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischem Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde; von Ch. M. Fraehn, въ Bulletin scientifique. T. IX. No. 20—21.

Г. Савельевъ предпринялъ разрѣшить эту задачу, т. е. изобразить Мухаммедадскую Нумизматку въ связи ея съ Русскою Исторіей. Этого-то труда подлежащая книга составляетъ первую часть; двѣ слѣдующія книги будутъ разсуждать о монетахъ Волжскихъ Бугарь, а равно о Русско-Татарскихъ монетахъ и происхожденіи Русскихъ денегъ (стр. ссххii) — безъ сомнѣнія, два весьма тщательные предмета, которымъ мы желаемъ столь же тщательной обработки со стороны автора, какъ и подлежащей части. Эта часть свидѣтельствуетъ о большой начитанности и о рачительномъ прилежаніи нашего ориенталиста, и какъ она объемлетъ все, что относится къ предмету, представляя притомъ тщательное, всестороннее разрѣшеніе разныхъ сюда относящихся вопросовъ изъ древней Исторіи Россіи, то она по справедливости должна была обратить на себя вниманіе. Драгоценное прибавленіе къ ней составляетъ первое приложение о Пельвійскихъ надписяхъ на монетахъ Таберистана, и хотя Рецензенты наши относительно нѣкоторыхъ пунктовъ какъ этой статьи такъ и самаго сочиненія и не разделяютъ мнѣнія автора, но это въ цѣлости ни мало не вредитъ его сочиненію.

И такъ во уваженіе того, что сочиненіе Г-на Савельева есть трудъ, составленный съ большимъ тщаніемъ, вполне объемлющій свою задачу и не только показывающій въ ясномъ свѣтѣ важность Мухаммедадской Нумизматки для Русской Исторіи, но и служащій драгоценнымъ дополненіемъ къ ней, — Академія согласно ходатайству Гг. Рецензентовъ присудила ему второстепенную премию, тѣмъ охотнѣе что авторъ намѣренъ употребить ее на изданіе двухъ другихъ частей своего сочиненія.

V.

NATURWISSENSCHAFTLICHE REISE DURCH DIE KIRGISSTEPPE NACH CHIVA. Im Jahre 1842. Von Theodor Fr. Jul. Basiner. (Естественно-историческое путешествіе чрезъ Киргизскую степь въ Хиву, въ 1842 году. Теодора Фр. Юл. Базинера).

Нельзя отрицать, что познаніе сосѣдственныхъ съ Россією странъ Азіи изъ года въ годъ становится болѣе настоятельною потребностію; оно необходимо не только для любознательности ученыхъ, но и для интересовъ торговли и политики. Азіатская Турція и Персія выиѣ по всѣмъ ихъ отношеніямъ намъ почти столько же извѣстны, какъ Европейская Турція, Молдавія и Валахія. Китай, хотя только въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ извѣданный Европейцами, въ новѣйшее время сдѣлался намъ болѣе знакомъ тщательнымъ изученіемъ большихъ Китайскихъ твореній о Географіи и Статистикѣ этого края. Но Хокандъ, Бухара и Хива принадлежатъ къ тѣмъ изъ нашихъ Азіатскихъ сосѣдей, о которыхъ мы доселѣ еще

мало имѣли свѣдѣній, а потому каждое успіе, ближе ознакомить насъ съ этими странами, заслуживаетъ признаніе. Такъ всякій любитель землеописанія Азіи съ благодарностью назоветъ имена Русскихъ и Британцевъ, встрѣчающихся на равнинахъ Бухары — Эльфинстона, Мейендорфа, Борнса (Burnes), Генса, Ханыкова, и свѣдѣнія эти, еще въ теченіе нынѣшняго года, значительно пополнятся изъ посмертныхъ записокъ слишкомъ рано умершаго Д-ра Леманна. Гораздо скуднѣе извѣстія наши о Хокандѣ и Хивѣ: подробнѣйшія изъ нихъ мы имѣли отъ Русскихъ и Азіатскихъ торговцевъ или отъ возвратившихся оттуда Русскихъ плѣнныхъ низшаго званія, а потому ограничена образованія. При всей ихъ неполнотѣ и неточности, они возбудили большое участіе своею новизною. Это относится въ особенности къ Хивѣ, этой не большой хищнической державѣ, которая непрерывными своими непріязненностями наносила такой ущербъ торговлѣ нашей съ Бухарою, и лишь въ послѣдніе годы, послѣ энергической демонстраціи со стороны нашего Правительства, по видимому, оставила прежнее свое нечестное ремесло. Первые достовѣрные извѣстія о Хивѣ мы получили отъ Англичанина Дженкинсона, который въ 1558 году изъ Мангышлака, чрезъ сѣверныя части Ханства отправился въ Бухару. Томпсонъ, Муравинъ и Бланкенгагель посѣтили Хиву въ 18 столѣтіи, Муравьевъ, Антовъ, Абботъ и Шекспиръ въ нынѣшнемъ. Сообщенія этихъ путешественниковъ были неравно достоинства; всего удовлетворительнѣе извѣстія Дженкинсона, Муравьева, Аббота и Шекспира; но еще подробнѣе свѣдѣнія, собранныя покойнымъ Генераломъ Генсомъ въ Хивѣ, во время продолжительнаго его пребыванія въ Оренбургѣ, и помѣщенные въ издаваемомъ Академію Сборникѣ *). Но и они, какъ равно замѣшавшіяся Ханыковымъ **) изъ того же источника и отчасти распространенныя имъ свѣдѣнія, содержатъ въ себѣ много любопытнаго о народонаселеніи, торговлѣ и управленіи Ханства, лишь мало касаются естественныхъ его отношеній.

По этому нельзя не вмѣнить въ особенную заслугу Г-ну Базинеру, что онъ въ свое путешествіе посвятилъ главное свое вниманіе растительности, метеорологіи и геогнозисъ этого края. Путешествіе это, предпринятое на счетъ Императорскаго Ботаническаго Сада и при содѣйствіи Академіи Наукъ, совершенно было Г-мъ Базинеромъ въ свѣтѣ Полковника Данилевскаго, который въ 1842-мъ году былъ отправленъ въ Хиву для окончанія начатыхъ въ 1840 г. переговоровъ между Россією и Хивою. Къ сожалѣнію, правда, путь его туда былъ совершенъ въ походѣ лѣта и осенью, въ такое время, когда уже отцвѣли большая часть и самыя прекрасныя растенія тѣхъ мѣстъ,

*) Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs.

**) Описание Бухарскаго Ханства, составленное Н. Ханыковымъ. С.-Петербургъ. 1843. 8.

а многія уже совсѣмъ исчезли; а обратный путь онъ долженъ былъ предпринять зимою. Но хотя при такихъ обстоятельствахъ и нельзя было ожидать богатой жатвы растений въ странахъ, которыя вообще не принадлежатъ къ самымъ обильнымъ въ этомъ отношеніи, однако же Г. Базнперъ все таки умѣлъ извлечь изъ даннаго ему случая много пользы для своей науки. Онъ описалъ намъ осеннюю флору разныхъ посѣщенныхъ имъ странъ, многоимъ, по весьма удовлетворительнымъ чертамъ. Флора прилежащихъ съ востока къ Каспійскому морю земель объяснена была намъ Эйхвальдомъ, Карелшнымъ, Лессингомъ и Клаусомъ, флора Алтая и Зюнгоріи Лесдебуромъ, Карелшнымъ и Шренкомъ, а Бунге началъ знакомить насъ съ растеніями, собранными Леманномъ отъ Урала до Самарканды. Путешествіе Г-на Базнпера выполняетъ собою пробѣлъ въ Географіи растеній средней Азии, раскрывая предъ нами также растительность лежащихъ къ сѣверо-западу и югу отъ Арала странъ, и подтверждая уже прежде угаданную аналогию Аральской флоры съ флорою Каспійскаго моря и низменностей Зюнгоріи до самой подошвы Алтая.

Характеристическое описаніе этой флоры состоитъ въ нѣкоторыхъ группахъ растеній, а особенно маревидныхъ (*Cenopodiaceae*), съ достопримѣчательнымъ безлистнымъ *Саксауломъ*, единственною сколько извѣстною, древообразною пороодою этой группы, коей собственная отчизна вѣроятно есть окрестность Арала, потому что путешественникъ нашъ къ западу этого озера нашелъ цѣлые лѣса ихъ, такъ же какъ Эверсманнъ на востокъ отъ него, между Кувандарьюю и Иандарьюю, лѣса, простиравшіеся на нѣсколько дней пути. Сверхъ этихъ общихъ свѣдѣній о географіи растеній мы обязаны Г-ну Базнперу также разнымъ полезнымъ замѣткамъ объ искусственныхъ растеніяхъ Хивы, узнаемъ отъ него, какія Хивинцы производятъ породы лѣсныхъ растеній, а равно плена ихъ и употребленіе, и впервые получаемъ удовлетворительное понятіе о системѣ орошенія, которая въ Хивѣ играетъ столь важную роль. Большой признательности заслуживаютъ также замѣчанія, собранныя авторомъ о климатѣ, и метеорологическія наблюденія, съ большою рачительностію дѣланныя имъ во время пребыванія его въ Ханствѣ и на всемъ пути. Не менѣе любопытно сочиненіе Г-на Базнпера и по части Геогнозиса, оно обогатило геогностическое наше познаніе о Каспійскомъ бассейнѣ новыми и, можно сказать, важными фактами, между прочимъ о высокой горной возвышенности Усть-Юртъ, которой свойство здѣсь впервые представлено въ ясной и наглядной картинѣ. Мы прочли это изображеніе съ особеннымъ интересомъ, потому что Усть-Юртъ въ геологическихъ отношеніяхъ Арало-Каспійскаго бассейна занимаетъ главное мѣсто и слѣдовательно ближайшее его изслѣдованіе было очень желательно. — Наконецъ нельзя не упомянуть также о значительныхъ повтркахъ и объ-

ясненіяхъ, которыя мы приобретаемъ изъ сочиненія Г-на Базнпера по части Географіи и Статистики Хивы, и о прекрасной картѣ Ханства, изготовленной нѣсколькими находившимися при миссіи топографами, которые съ путешественникомъ прошли страну до самаго Хазараспа, и такъ почти до южнаго рубежа Ханства. Хотя эта карта и не основана на точныхъ измѣреніяхъ, по крайней мѣрѣ она снята съ компасомъ въ рукѣ и очевидцами, и заслуживаетъ предпочтеніе передъ прежними картами, отъ которыхъ и отличается существенно.

По всѣмъ этимъ уваженіямъ Академія назначила Г-ну Базнперу второстепенную премию съ принятіемъ изданія труда его на свой счетъ, если на то послѣдуетъ только разрѣшеніе Министерства иностранныхъ дѣлъ, о коемъ сама Академія будетъ ходатайствовать.

VI.

Судьбы Церковно-Славянскаго языка: 1) О средне-Болгарскомъ вокализмѣ по патриаршему списку лѣтописи Манассіи. 2) О Кирловской части Реймскаго Евангелія. Историко-филологическія изслѣдованія. II. *Биларскаго*.

Второстепенная Демидовскія преміи Академія перѣдко называла *поощрительными*, и въ этомъ-то значеніи она особенно любитъ присуждать ихъ, сообразно смыслу учрежденія даже молодымъ ученымъ, если только первые ихъ опыты доказываютъ уже рѣшительно самостоятельное стремленіе на поприщѣ ученаго изслѣдованія, благородный выборъ методы, явные признаки здравой, критики и благородный энтузіазмъ къ наукѣ. Самый опытъ доказалъ, что въ такихъ видахъ присужденныя преміи большею частію достигали своей цѣли, подстрекая молодыхъ увѣнчанныхъ авторовъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ и успѣхамъ, и вызывая другихъ, равно одаренныхъ, къ подражанію и соревнованію.

Въ Маѣ 1847 года Адлюнктъ Академіи Куншкъ представилъ Историко-филологическому Отдѣленію рукописную статью молодого Русскаго филолога подъ заглавіемъ: *Судьбы Церковно-Славянскаго языка*, изслѣдованія и наблюденія Петра Биларскаго. Первая часть сего труда разсуждаетъ о средне-Болгарскомъ вокализмѣ по Патриаршему списку лѣтописи Манассіи, вторая, о Кирловской части Реймскаго Евангелія. Въ введеніи какъ и въ самомъ текстѣ своихъ изслѣдованій авторъ ясно и опредѣлительно излагаетъ начала, руководившія его въ семъ трудѣ. Онъ смотритъ на Церковно-Славянскій языкъ не какъ на мертвую массу, а видитъ въ немъ живую организмъ, представляющую всѣ признаки замѣчательнаго постепеннаго развитія и имѣвшій сильное вліяніе на образованіе книжнаго Русскаго языка. Потому-то онъ обратилъ особенное вниманіе на Церковно-Славянскія руко-

писи такъ называемаго средне-Болгарскаго племени, болѣе древне-Болгарскихъ распространившіяся въ Россіи и потому сильнѣе отразившіяся въ исторіи отечественнаго языка. А какъ вообще средне-Болгарское нарѣчіе донынѣ не было еще критически обработано, результаты же о вокализмѣ сего языка, выведенные изъ филологическаго разбора Г-на Биларскаго представляютъ уже для опредѣленія древности и происхожденія Церковно-Славянскихъ рукописей, нѣкоторыя точки опоры, столь важныя для Историковъ, то Академія, уваживъ таковой лестный о семъ трудѣ отзывъ, напечатала его въ Сборникѣ Записокъ постороннихъ ученыхъ. Другая же часть труда Г-на Биларскаго доселѣ оставалась въ рукописи.

Представленная нынѣ къ совсканію Демидовской преміи обѣ части, Отдѣленіемъ Русскаго языка и Словесности были переданы на разсмотрѣніе ученаго нашего Славяниста А. Х. Востокова, который подтвердивъ и съ своей стороны отзывъ Г-на Кунника, о первомъ разсужденіи Г-на Биларскаго, свидѣтельствуетъ, что авторъ превосходно изучилъ предметъ свой, доселѣ мало кѣмъ изслѣдованный, что замѣчанія его вѣрны и выводы основательны и что всякій любитель Славянскаго филологіи прочтетъ статью его съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

Второе сочиненіе Г-на Биларскаго раздѣляется на двѣ части: 1) Критическая Исторія изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи. 2) Опытъ изслѣдованія о Реймскомъ спискѣ и его древнѣйшемъ оригиналѣ.

Въ первой части Г. Биларскій подробно и отчетливо описалъ весь ходъ изслѣдованій о памятникѣ, столь много записавшемъ Славянскихъ филологовъ, строго оцѣняя заслуги участвовавшихъ въ снхъ изслѣдованіяхъ и выставя ихъ ошибки.

Во второй части разсматриваетъ правописаніе Реймскаго Евангелія, находитъ въ ономъ смѣсь Болгарскаго, Сербскаго, Русскаго и Валашскаго правописанія, и выводитъ заключеніе, что эта рукопись, которая была приписываема Св. Прокопію Чешскому и отнесена къ первой половинѣ XI вѣка, не только не можетъ имѣть такой древности, но писана не ранѣе XIV вѣка, гдѣ нибудь въ Валахіи.

Признаки, на которыхъ Г. Биларскій основываетъ заключеніе свое, не подвержены никакому сомнѣнію. Хотя почеркъ рукописи и кажется древнѣе XIV вѣка, и можно бы по почерку отнести ее къ XII вѣку, но взглянувъ на правописаніе, должно отказаться отъ такого мнѣнія. Кромѣ новости правописанія, рукопись представляетъ множество опісокъ, обнаруживающихъ безграмотность писца, которому даже незнакомъ былъ языкъ списываемаго имъ памятника.

Г. Востоковъ заключаетъ что труды Г. Биларскаго по предмету Славянскаго филологіи, показываютъ въ немъ знающаго и добросовѣстнаго дѣлателя на этомъ полѣ, у насъ еще мало обработанномъ, и что труды эти заслу-

живають поощренія, каковое Академія охотно ему и оказала, присужденіемъ половиной Демидовской преміи.

VII.

Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. Разсужденіе, написанное для полученія степени Магистра А. Давидовымъ. Москва 1848.

Теорія равновѣсія плавающихъ тѣлъ была уже не разъ предметомъ аналитическихъ изслѣдованій. Въ наше время, два французскіе математика, *Прони* и *Дюпенъ*, весьма известные въ ученomъ свѣтѣ своими сочиненіями по Механикѣ, занимались этимъ вопросомъ; не смотря однакожь на ихъ труды, полная теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость, далеко еще не исчерпана. Поэтому, всякое удачное обобщеніе прежнихъ результатовъ можно считать истиннымъ приобрѣтеніемъ для Гидростатики, и въ этомъ отношеніи, изслѣдованія Г-на Давидова безспорно заслуживають полное вниманіе.

Разсужденіе его раздѣлено на три главы: въ первой главѣ говорится о *равновѣсіи тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость*; во второй, о *равновѣсныхъ положеніяхъ плавающихъ тѣлъ*; въ третьей, *объ устойчивости плавающихъ тѣлъ*.

Въ *Введеніи*, помѣщенномъ въ началѣ сочиненія, авторъ предлагаетъ нѣкоторыя историческія подробности о теоріи плавающихъ тѣлъ. Но, должно сознаться, эти указанія слишкомъ недостаточны и отрывисты. Можно также прибавить къ этому, что слогъ Введенія и первой половины Разсужденія не всегда правиленъ, и что даже мѣстами встрѣчаются неточности въ изложеніи. Далѣе этотъ недостатокъ становится менѣ замѣтнымъ.

Первая глава не заключаетъ въ себѣ ничего, собственно принадлежащаго Г. Давидову, почему мы перейдемъ прямо ко второй. Въ ней излагается авторомъ способъ для опредѣленія равновѣсныхъ положеній плавающихъ тѣлъ. Правда, *Прони*, въ своей *Mécanique philosophique*, первый предложилъ формулы, ведущія къ этой цѣли; но приемы Г. Давидова, безъ сомнѣнія, имѣють преимущество по свойственной имъ общности. Сочинитель разбираемой книги разсматриваетъ сперва для простоты случай тѣлъ призматическихъ и цилиндрическихъ, когда ребра ихъ, или производящія параллельны плоскости плаванія; тогда вопросъ приводится къ отсѣченію прямою линіею извѣстной части отъ данной площади, и при томъ такъ, чтобы прямая, соединяющая центры тяжести полной площади и отсѣченной ея части, была перпендикулярна къ линіи отдѣла. Рѣшеніе этой задачи зависить отъ опредѣленія двухъ кривыхъ, для которыхъ авторъ и находитъ уравненія очень остроумнымъ способомъ. Рѣшивъ этотъ частный вопросъ, Г. Давидовъ переходитъ къ общему, то есть къ тому случаю, когда плавающее

тѣло имѣть какойнибудь видъ. Двѣ кривыя, о которыхъ сейчасъ упомянуто, замѣняются, въ настоящемъ предположеніи, двумя поверхностями, названными авторомъ весьма свойственно *поверхностію стѣний* и *поверхностію центровъ*; авторъ выводитъ ихъ уравненія, и за сими вопросъ о равновѣсныхъ положеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ смыслѣ, не представляеть уже никакого затрудненія. Общія свои формулы Г. Давидовъ пояснилъ многочисленными примѣрами, удачно выбранными.

Наконецъ, третья глава посвящена, какъ уже сказано выше, теоріи устойчивости равновѣсія плавающихъ тѣлъ. При рѣшеніи этого труднаго вопроса, Г. Давидовъ употребилъ *начало возможнаго момента*, удерживая въ немъ безконечно малые члены втораго порядка. Если не ошибаемся, то Г. Брашманъ, первый, приложилъ это начало къ Гидростатикѣ. Но онъ, какъ можно видѣть изъ его книги, разсматривалъ только частные случаи, между тѣмъ какъ Г. Давидовъ прямо приступаетъ къ общему, и разрѣшаетъ его самымъ удовлетворительнымъ и удачнымъ образомъ.

Въ заключеніе скажемъ, что Разсужденіе Г-на Давидова несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокиихъ дарованіяхъ автора и что присужденіе ему Академіею поощрительной преміи конечно не останется безъ благихъ послѣдствій для науки.

VIII.

Изъ оставшихся за тѣмъ двѣнадцати одобренныхъ соискательныхъ сочиненій, Академія присудила осьмую второстепенную премію рукописному сочиненію Г-на Горлова :

Обзорніе Экономической Статистики Россіи, руководствуясь принятымъ ею правиломъ, при равныхъ достоинствахъ, отдавать преимущество самостоятельному ученому изслѣдованію предъ учебнымъ руководствомъ, какъ бы превосходно сіе послѣднее ни было составлено; между самостоятельными же трудами отличать преимущественно тѣ, которые предметомъ избрали себѣ изученіе отечества въ какомъ бы то нибыло отношеніи.

Излишне было бы распространяться, сколь важно для каждаго мыслящаго человѣка узнать хозяйственныя отношенія своего отечества — эта потребность уже издавна пробудилась и у насъ, но доселѣ все еще неоставало яснаго изображенія хозяйственнаго быта въ Россіи.

Въ 1827 году правда, Г. Андросовъ старался пособить этому недостатку, изданіемъ своей «Хозяйственной Статистики Россіи» въ двухъ главныхъ отдѣлахъ: о мѣстности и о промышленности.

Сколь ни неполно и недостаточно было это сочиненіе, оно представляло однако же нѣкоторую опору послѣдовавшимъ изыскателямъ по этой части.

Нынѣ, когда мы подвинулись впередъ двумя десятилѣтіями, Г. Горловъ на восточномъ краю Европы — въ Казани — выступилъ съ новымъ трудомъ по этому же предмету.

Сочиненіе его раздѣляется на три главные отдѣла: о народонаселеніи, о промышленности и о торговлѣ. Вслѣдъ за введеніемъ онъ даетъ сперва краткое, но къ сожалѣнію, не совсѣмъ полное обозрѣніе источниковъ Статистики Россіи.

Для самаго текста авторъ какъ видно, почерпалъ свои данныя изъ сотни книгъ, брошюръ и статей, и надобно отдать ему справедливость, что онъ обращался къ дѣльнымъ источникамъ. Пользуясь лучшимъ и новѣйшимъ по своей части, онъ успѣлъ собрать во едино множество разбросанныхъ свѣдѣній, подвергнуть ихъ ученому, критическому разбору и извлечь изъ нихъ множество полезныхъ для науки результатовъ. И если прекрасный и полезный трудъ его оставляетъ еще многое недосказаннымъ, то въ этомъ винить можно менѣе недостатокъ въ собственномъ соображеніи автора, въ тщательномъ обработаніи матеріала, сколько скудность и частію недостаточность самаго матеріала.

Здѣсь не мѣсто исчислять всѣ замѣчанія, какія могли представиться рецензенту при чтеніи сего сочиненія. Онъ конечно не откажется сообщить ихъ автору для пополненія, а кое-гдѣ и исправленія его труда, до отдачи его въ печать.

Изъ постороннихъ рецензентовъ удостоены золотыхъ медалей, въ знакъ признательности Академіи

БОЛЬШИХЪ :

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета *Неволинъ* и Генералъ-Лейтенантъ Баронъ *Зедделеръ*.

МАЛЫХЪ :

Профессоръ Главнаго Педагогическаго Института *Бессеръ* и Профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи *Заблоцкий*.